

ПЕЩЕРНИЧЕСТВО У СЛОБОДЫ КАРАЯШНИК ВОРОНЕЖСКОЙ ОБЛАСТИ: В ЛАБИРИНТАХ ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ 20–30-х ГОДОВ XX ВЕКА

В. В. Степкин

Русское географическое общество

Поступила в редакцию 16 апреля 2015 г.

Аннотация: в статье освещается история бытования пещеры, построенной в 30-е гг. XX в. у слободы Караяшник Ольховатского района Воронежской области. Развитие здесь такой формы народного православия, как пещерничество, представлено в контексте религиозных и социальных трансформаций в ходе модернизации 20–30-х гг. XX в. В работе делается вывод о том, что устроители пещеры крестьяне-единоличники искали для себя выход из кризисной для них ситуации в попытке воссоздания модели традиционной крестьянской общинной религиозности в архаичном сакральном локусе жизненного пространства. Данному фактору способствовало наличие в Воронежском крае давней традиции пещерокопательства, детерминированной особенностями физического и социокультурного ландшафта. Анализ строится на широком привлечении архивных источников и материалов полевых исследований.

Ключевые слова: пещера, слобода Караяшник, Русская православная церковь, обновленчество, истинно православные христиане, народное православие, пещерничество.

Abstract: the article presents stories of the cave life which was built in 1930s near settlement Karayashnik of Olkhovatsky district, Voronezh region. Development of such folk Orthodoxy like cave digging is presented in the context of religious and social transformations in the course of modernization in 20–30s years of the XX century. The article comes to conclusion that the individual peasants who dug caves were trying to find a way out of their crisis conditions by recreating the model of traditional communal religion in the archaic consecrated locus of life space. It is stated that the situation was affected by the following: old cave digging tradition in Voronezh region determined by particularities of physical and socio-cultural environment. The analysis is based on vast range of archive sources and field study results.

Key words: cave, settlement Karayashnik, Russian Orthodox Church, revivationism, Orthodox Christians, folk Orthodoxy, cave digging.

Прежде чем говорить о возникновении такой формы народной православной традиции, как пещерничество¹ у слободы Караяшник Воронежской области, обратимся к общему фону религиозной жизни региона, в которой развивался данный феномен.

Период отечественной истории 20–30-х гг. XX в. – одна из самых драматичных страниц в истории Русской православной церкви: закрывались и уничтожались храмы, арестовывалось и расстреливалось духовенство, было нарушено цер-

ковное единство. В 1922 г. большая часть воронежского духовенства вместе с архиепископом Тихоном (Василевским) перешла в раскольническую обновленческую организацию «Живая церковь». Из викарных епископов только епископ Острогжский Владимир (Шимкович) отказался от общения с живоцерковниками. По благословению патриарха Тихона (Беллавина) в 1923 г. он возглавил приходы Воронежской епархии в их борьбе с обновленчеством. Тем самым было положено начало возвращения отпавших клириков и прихожан в лоно канонической церковной организации. Этот процесс ускорился с назначением в 1926 г. на воронежскую кафедру архиепископа Петра (Зверева), при котором 2/3 всех приходов Воронежской епархии из обновленческого раскола перешло в православие [1, с. 564–584].

Маятник церковной жизни качнулся в другую сторону. Консервативное крыло Русской православной церкви стало одерживать верх над сторонниками либерализации канонических правил. Не обошлось в этом процессе без крайности, связанной с деятельностью епископа Алексея (Буй), который

¹ Под пещерничеством мы понимаем такое проявление религиозной традиции, как создание и функционирование культовой пещеры. Употребление данного термина в статье оправдано не только в контексте его упоминания в архивном материале, повествующем о Караяшниковском подземелье, но и в лучшем отражении сути происходящего процесса. Синонимы данного термина – пещерокопательство (введен в широкий научный оборот П. В. Никольским в начале XX в.) и пещеростроительство (современная калька пещерокопательства) – этимологически делают акцент лишь на создании подземелья, не затрагивая дальнейшего функционирования и почитания пещеры.

после ареста Петра (Зверева) в 1926 г. был утвержден на Воронежской кафедре Патриаршим Местоблюстителем митрополитом Сергием (Страгородским). В начале 1928 г. епископ Алексей (Буй) примкнул к «иосифлянскому» течению в Патриаршей Церкви, названному по его вдохновителю митрополиту Иосифу (Петровых). Последний отказался иметь церковное общение с митрополитом Сергием (Страгородским), по причине его декларации о лояльности к советской власти [1, с. 584–585; 2, с. 335]. Только что восстановленная в Воронеже вертикаль церковной власти вновь оказалась под угрозой распада.

Расколы и нестроения в Воронежской епархии проходили на фоне общенациональной смуты. Церковный корабль бросало из стороны в сторону в шторме глубинных социальных трансформаций послереволюционной эпохи. Не только простым верующим, но и церковным иерархам было сложно сориентироваться и выбрать единую стратегию поведения в стремительно меняющихся условиях. Попытка избрать в 1926 г. нового патриарха в лице Кирилла (Смирнова) (после смерти в 1925 г. патриарха Тихона) не увенчалась успехом вследствие активного противодействия советской власти, которая по-прежнему делала ставку на обновленческие структуры [3, с. 20–43]. В этих обстоятельствах местоблюстителю патриаршего престола митрополиту Сергию (Страгородскому) ничего не оставалось, как ориентироваться на долгую дипломатическую игру, первоочередным противником в которой являлись различные обновленческие организации. Чтобы одержать победу над ними, надо было заручиться поддержкой масс верующих и, используя данное преимущество, добиться от советской власти права на сосуществование, декларируя ей всяческую лояльность.

В связи с неприятием данной стратегии митрополита Сергия (Страгородского) епископ Воронежской епархии Алексей (Буй) был запрещен в священнослужении и освобожден от управления епархией. После него Воронежской епархией недолго управляли епископ Павел (Гальковский) и архиепископ Макарий (Звездов). В 1929 г. на Воронежскую кафедру был назначен архиепископ Захария (Лобов), который и возглавлял ее до своего ареста в 1935 г.

Попытки укрепить свое положение в Воронежской епархии предпринимало и либеральное церковное течение. Когда в 1928 г. была образована Центрально-Черноземная область, обновленцы создали в ее границах Воронежское областное митрополитанское церковное управление (ВОМЦУ), включавшее 12 обновленческих епархий: Борисоглебскую, Воронежскую, Елецкую, Козлов-

скую, Моршанскую, Острогожскую, Россошанскую, Тамбовскую, Старооскольскую, Белгородскую и Курскую. Последние четыре выделились из ВОМЦУ в 1934 г. [4, с. 87–88]. После ареста в феврале 1936 г. обновленческого «митрополита» Александра Медведева воронежское обновленческое епархиальное управление практически прекратило существование.

При рассмотрении общецерковной ситуации 20–30-х гг. XX в. задачей исследования является анализ ее преломления в судьбы отдельно взятых верующих, объединенных в первичную религиозную общину. На наш взгляд, подобный метод дедукции позволяет уйти от обобщающих схем в русло живой истории человеческих личностей, реализующих свое поведение в кризисной ситуации в субкультуре крестьянской архаики. Обращение к срезам ментальности религиозной общины позволяет в цвете представить картину ушедшего прошлого, лучше понять мысли, чувствования и чаяния людей ушедшей эпохи. Территориальный фокус на Воронежской области в этом отношении имеет показательное значение, учитывая длительное сохранение здесь на фоне модернизации проявлений социального уклада традиционного общества. Не случайно в этой связи именно здесь было развито катакомбное движение истинно православных христиан, активно сопротивляющихся нововведениям советской эпохи [2, с. 322, 333].

В контексте задачи исследования объектом нашего изучения выступает община верующих, сложившаяся вокруг пещеры у слободы Караяшник Ольховатского района Воронежской области. Обращение к анализу ее жизнедеятельности обусловлено наличием широкого спектра не введенных в широкий научный оборот источников: материальных, письменных, устных.

Материальный источник – это само подземелье, вырубленное на склоне мелового оврага у слободы Караяшник. Данная пещера была впервые осмотрена автором осенью 1999 г. [5, с. 96]. Осенью 2014 г. А. Гунько была выполнена топосъемка объекта в ходе совместной экспедиции по изучению донских пещер (рисунок). Осмотренное подземелье представляло собой коридор, ведущий в небольшое помещение неправильной формы. Общая протяженность пещеры насчитывала около 13 м. Местный краевед из слободы Караяшник Евгений Иванович Шанин рассказал о том, что данная пещера «использовалась в первой половине XX в. в качестве молельни. На ее стенах висели иконы, глядя на которые молились приходящие люди». Кроме того, местные жители при опросе отметили интересную деталь. По их рассказам, в пещере раньше находился родник.

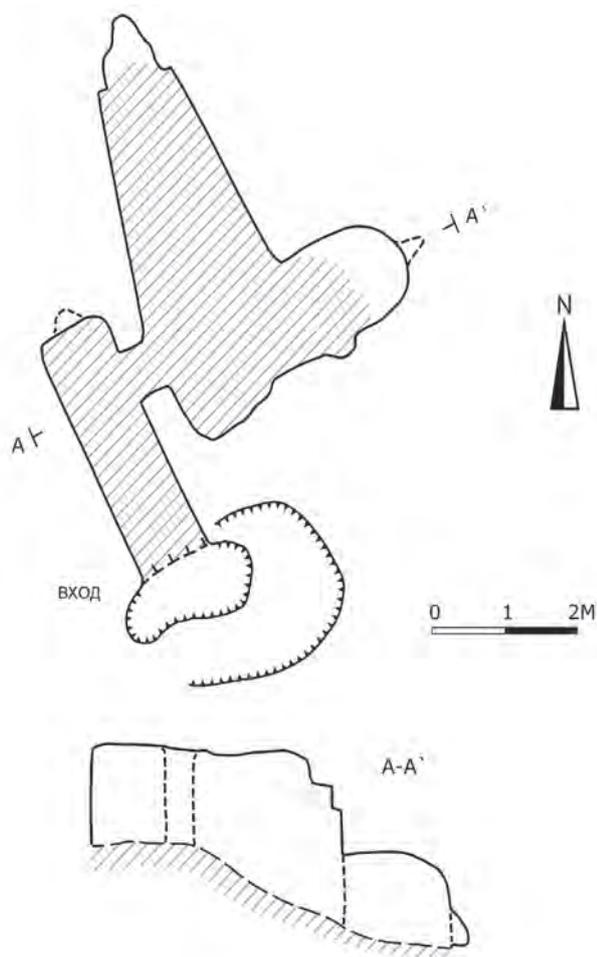

Рисунок. План пещеры у слободы Караяшник.
Топосъемка А. Гунько, 2014 г.

Надо заметить, что нами при осмотре пещеры родник обнаружен не был. Возможно, он находится под меловой засыпкой, проникшей с поверхности в результате эрозионных процессов и лежащей на полу помещения. Хотя нельзя исключить и ассоциативное восприятие пространства. Дело в том, что в верховьях оврага находится небольшой участок, покрытый в настоящее время тростниковыми камышовыми зарослями, свидетельствующими о близости грунтовых вод. По словам старожилов, здесь раньше бил почитаемый местными жителями родник. Примечательная деталь: в 7 км к юго-востоку от рассматриваемого подземелья находится еще один уникальный объект – Новохарьковская пещера. Ее месторасположение имеет те же характерные особенности: близость села, меловой склон оврага, в верховьях которого находится почитаемый источник [6, с. 204–209; 7, с. 33]. Данные параллели свидетельствуют, на наш взгляд, об общих принципах формирования сакрального пространства в рамках крестьянских общин соседствующих сел. Дополнительным источником изучения сакрализации рассматриваемых пещер и окружающего их про-

странства являются сделанные автором записи фольклора, приводимые далее в тексте.

Письменные источники по изучаемой проблематике представлены материалами, хранящимися в Государственном архиве общественно-политической истории Воронежской области (ГАОПИВО) и Государственном архиве Воронежской области (ГАВО). В ГАОПИВО в Фонде 9353 (Управление КГБ по Воронежской области) находится Дело П-23181 «по обвинению Гончарова Трофима Артемьевича и др.», начатое в 1936 г. [8]. В нем представлен богатейший материал, повествующий о жизнедеятельности крестьянской религиозной общины, связанной с пещерой у слободы Караяшник. В ГАВО в Фонде Р-2,565 (Воронежское областное митрополитанское церковное управление (ВОМЦУ) в Центрально-Черноземной области) хранятся отчеты «архиереев» к обновленческому «митрополиту» Александру Медведеву [9]. В отчете «Россошанского архиепископа Григория» есть интересные данные о церковной обстановке на подведомственной ему территории и об общине верующих, сложившейся вокруг пещеры у слободы Караяшник. Таким образом, перед нами два взгляда извне на происходящие вокруг рассматриваемого объекта события: со стороны государства и со стороны конкурирующей с патриаршей церковью обновленческой религиозной организации, что делает реконструкцию прошлого более объемной и объективной.

Рассмотрим вначале в качестве письменного источника по затрагиваемой в работе проблематике рукописный отчет так называемого «архиепископа» Григория Орлова, который с 1933 г. по 2 октября 1935 г. руководил обновленческой Россошанской епархией [10, с. 53]. Данный документ носит название «Полугодичный отчет о состоянии Россошанской Епархии за период времени с 1 января по 1 июля 1935 года». Второй раздел отчета посвящен порайонной характеристике влияния различных религиозных течений. В нем отмечается «по состоянию на 1е июля 1935 г. в Россошанской епархии староцерковнических церквей функционирующих – 40, из них сергианских – 36 и ВЦС – 4» [9, л. 64].

Интересна терминология, даваемая представителем обновленческого аппарата и обнажающая суть происходящих процессов. Одновременно она невольно относит нас к расколу XVII столетия. Перед нами словно отголосок тех далеких событий, в котором обновленцы – сторонники патриарха Никона, староцерковники – старообрядцы. Политику обновленцев в этом контексте можно трактовать как попытку, добившись расположения советского «царя», нанести сокрушительный удар по своим оппонентам. Естественно, мы не сравниваем напрямую сторонников никоновских реформ с обновленцами. Там речь шла

об изменении обрядов, а здесь – об изменении канонов, что имеет принципиальное значение. В контексте рассматриваемой темы показательна сама тактика борьбы консервативных и либеральных взглядов на дальнейшее устройство церковной жизни. В отчете «архиепископа» Григория Орлова под сергианами понимаются сторонники митрополита Сергия (Старгородского), а под ВЦС – Высший церковный совет, состоящий из группы епископов, отколовшихся в конце 1925 г. от местоблюстителя Сергия во главе с архиепископом Григорием (Яцковским).

Кроме староцерковнических церквей в отчете упоминаются обновленческие. «На 1-е января 1935 г. в Россошанской епархии было 19 функционирующих обновленческих церквей и 11 нефункционирующих, но с наличием притча, обслуживающего приходы» [9, л. 54]. Для наглядности распространения староцерковнических и обновленческих церквей по районам Россошанской епархии поместим данные, приводимые в отчете, в таблицу.

Т а б л и ц а

Распространение староцерковнических и обновленческих церквей по районам Россошанской епархии ВОМЦУ в 1935 г.

№ п/п	Название районов, входящих в Россошанскую епархию ВОМЦУ	Наличие староцерковнических церквей	Наличие обновленческих церквей
1	Россошанский		+
2	Михайловский	+	+
3	Подгоренский	+	+
4	Евдаковский (частично)	+	+
5	Ольховатский		+
6	Ладомировский		+
7	Кантемировский	+	
8	Писаревский		+
9	Ровенский		+
10	Вейделевский		+
11	Ново-Калитвянский	+	+
12	Лосевский	+	
13	Павловский	+	
14	Белогорьевский	+	
15	Петро-Павловский	+	
16	Богучарский	+	
17	Радченский	+	
18	Верхнемамонский	+	

Таким образом, мы видим, что обновленческие храмы в исключительном виде существовали лишь в шести районах епархии; в восьми районах – только староцерковнические храмы, а в четырех – и те и другие.

Помимо данных религиозных течений, в отчете упоминается секта федоровцев, получившая распространение «главным образом на хуторах»: Высокий, Лиман, Лощина [там же, л. 69об.–70]. Секта изначально возникла в 20-е гг. XX в. в Богучарском районе Воронежской области и получила дальнейшее распространение в Черноземье в контексте движения «истинно православных христиан». Ее основатель Федор Рыбалкин на фоне гонений на церковь, коллективизации и обновленчества начал произносить эсхатологические проповеди, говоря о пришествии в мир Антихриста и новом воплощении Христа в сво-

ем лице. Несмотря на арест Рыбалкина в 1926 г., секта продолжила существование. Так, в 1935 г. «архиепископ» Григорий Орлов писал о федоровском агитаторе – 30-летнем сапожнике Павле, который ходил с проповедью на хутор Высокий, толкуя «о пришествии Антихриста и кончине мира, против колхозов и проч.» [там же, л. 70]. Отличительным внешним признаком федоровцев были нашитые на одежду кресты. «Архиепископ» Григорий Орлов, в частности, упоминает живущего в хуторе Лиман Михайловского района 70-летнего федоровца Марка Шведченко, одетого подобным образом [там же, л. 70]. Официальную церковь федоровцы не признавали.

Рассмотрев общерелигиозную ситуацию в крае, мы видим ее неоднородный характер. Простому человеку было достаточно сложно сориентироваться в

происходящих процессах, что приводило зачастую к синкретическому религиозному мировоззрению. «Архиепископ» Григорий Орлов отмечал: «Трудно иногда определить, где мы имеем дело с тихоновцами, а где с федоровцами, где с легальными тихоновцами, а где с нелегальными буювцами. Так много у них иногда точек соприкосновения, например у росошанских, новокалитвянских, кантимировских тихоновцев и проч. В сл. Жилиной Бербенцов Ив. Мак. как будто тиховец, но рассуждает по федоровски: “Вот сказано, восстанут лежепророки, не ходите во след их, будет Антихрист, 2-е пришествие. Теперь и восстал Антихрист, “народывся”, загоняют в колхозы, а обновленцы им поддакивают”» [там же, л. 68об.].

Консервативно настроенное крестьянское население в районах, где преобладали обновленческие храмы, считало, что «истинные священники теперь страдают где-то далеко, церкви Христовой же теперь нет, обновленцы не имеют благодати и проч.» [там же]. В этих условиях стали развиваться так называемые «хатничество» и «пещерничество» [там же, л. 69]. «Архиепископ» Григорий Орлов в отчете писал: «В Ольховатском районе, по сообщению нашего священника Ф. Путилина из сл. Копанной 2-й, федоровцы-тихоновцы устроили пещеру в меловых горах около слоб. Караяшник и здесь собирались: пели, молились, читали, беседовали и проч. Основательницами этой группы были чернички, которые и жили в пещере. Им приносили деньги, продукты их единомышленники. Пещера состояла из 2 комнат; в 1-й комнате молились, во 2-й жили чернички. Пещера вся была уставлена иконами, горели “неугасимые” лампы и проч. Зимой эту пещеру милиция завалила, иконы и все имущество было вывезено. Чернички разбежались. “Наст. час, – пишет Путилин, – в пещере снова по ночам стали собираться для молений. С 17 на 18 июня с/г всю ночь происходили там моления. Участвовало до 30–50 чел., преимущественно женщины. Крестьянки хут. Рыбного, соседнего с Караяшником, человек лет 40. Тимофей читал акафист, потом пели то песнопения, то беседовали”. Священ. Путилин борется против этих пещер и пещерных молений. “Раньше я предупреждал своих прихожан, чтобы они не смешивали караяшенскую пещеру с киевскими пещерами, где почивают угодники Божии, и теперь стараюсь отвлечь их внимание от мнимой святыни, созданной шарлатанством для обмана простецов с корыстной для себя целью”» [там же, л. 69–69 об.].

Показательно упоминание Путилиным пещер Киево-Печерской Лавры. Изучая контекст происходящих событий, следует иметь в виду, что подавляющее число населения Караяшника и близлежащей Новохарьковки составляли потомки украинских переселенцев, сохранивших духовную связь с тамош-

ними святынями [11, с. 176]. До настоящего времени ее отражение мы наблюдаем в местном фольклоре. Так, в 2003 г. уроженец с. Новохарьковки Александр Цуриков, сообщил автору о местной пещере: «Было поверье, что пещера до Киева ведет... Це мини Тишко покойный хвалился, шо умер <...>. Люди с наших краив лизлы по той пещере аж в ти края и вылазлы из якого-то храма в який-то праздник. А ти и спрашивают: “Откуда вы будете?” – “Из Ольховатки такой-то губернии”. Они кажут: “Чего вы сюда приехали, если у вас там у пидвали церковная гробница, чи шо... У вас у самих лучше, чим вы до нас прылизлы... У вас в пещере свой меловой храм есть...”. Вроде бы такое было поверье».

Учитель истории из Новохарьковки Е. В. Романченко со слов старожилов, которые бывали в Новохарьковской пещере, сообщила, что там «в основном крыле, в стене, на уровне головы человека есть углубление (для установления молельной иконы). В этом углублении выдавлены слова: “Вход в святой Киев”» [7, с. 61].

В основе этих легенд лежит, на наш взгляд, отражение духовной преемственности формирования сакрального пространства вокруг киевских, новохарьковских и караяшниковских пещер.

Традиционная связь с киевскими святынями не прерывалась в рассматриваемом регионе и в годы гонений на церковь. Связующим элементом здесь выступали, как правило, наиболее консервативные члены религиозных общин: монахи и так называемые чернички, сельские женщины, не вступившие в брак по обету родителей или своему собственному. «Архиепископ» Григорий Орлов в отчете писал: «Так, где староцерковный приход, там везде много монашек и черничек. И это у сергиевцев и у ВЦС^{стов}. <...> В сл. Подгорной Троицкая церковь ВЦС. Проживающая здесь черничка Ющенко Фекла Матвеевна была выслана и жила в Киеве, где и набралась духа и разных рассказов против обновленчества у киевских монахов. Не ходить в обновленческие храмы, что храмы эти осквернены, нет в них благодати <...>» [9, л. 65].

Также примечательно для нас описание пещеры, сделанное Путилиным. Исходя из него, становится понятно, что существующие в настоящее время пещеры у слободы Караяшник открыты не полностью. Можно предположить, что доступная сейчас комната могла служить для проживания упомянутых выше черничек, а комната, где собирались для моления верующие, в настоящее время недоступна, находится под меловой осыпью где-то поблизости.

Дополнительную информацию о развитии пещерничества вокруг Караяшниковского подземелья, об именах живших при нем черничек мы узнаем из дела, возбужденного органами госбезопасности, храняще-

гося в ГАОПИВО [8]. По этому делу в качестве обвиняемых по статье 58-10 (ч. 1. УК) проходили: Т. А. Гончаров, А. М. Гончаров, П. И. Деркачев, М. Д. Рохмин, которые по обвинительному заключению были осуждены на пять лет. Данная статья предусматривала ответственность за «пропаганду или агитацию, содержащую призыв к свержению, подрыву или ослаблению Советской власти или к совершению отдельных контрреволюционных преступлений, а равно распространение, или изготовление, или хранение литературы того же содержания».

Надо заметить, что при обыске у обвиняемых была изъята и приобщена к делу, по сути, не контрреволюционная, а религиозная литература: «Акафист сладчайшему Господу», стихотворение «Прошел мой век как день вчерашний...», «Видение Спасителя детям в 1913 году». Ее анализ помогает лучше понять мироощущение пещерников. Стихотворение «Прошел мой век как день вчерашний...» наполнено молитвенным обращением ко Христу, чувством покаяния, памятью о смерти и надеждой на будущее воздаяние, т.е. основными положениями православной аскетической традиции. В этом контексте созданное подземелье напоминает пещеру-могилу аскета, но никак ни место собрания контрреволюционеров. «Видение Спасителя детям в 1913 году ...» переписано от руки Т. А. Гончаровым в 1935 г. Оно повествует о том, что в 1913 г. 11-летнему мальчику Н. М. Купренко и 14-летнему О. И. Грушеву, уроженцам Дмитровской волости, было видение Спасителя, в котором он предупреждал об изменниках внутри церкви, пришествии Антихриста, гонениях на верующих, закрытии всех Лавр, кроме Почаевской, всемирной войне. При этом подчеркивалось, что с признающих власть Антихриста будут требовать подпись, удостоверенную печатью, чего делать нельзя, равно как и ходить в храмы, которые при Антихристе откроются, но в них не будет благодати. Судя по упоминанию в тексте «Видения...» украинских архиереев, Почаевской Лавры и Дмитровской волости, оно было написано изначально на Украине, а затем перенесено паломниками в Воронежский регион.

Понятно, что восприятие этого «Ведения...» в сознании читающих его верующих караяшниковской округи рисовало явственные параллели с окружающей действительностью, усиливая эсхатологические предчувствия. В этом контексте советская власть, преследующая «истинно православных верующих» и поддерживающая обновленцев, вполне могла трактоваться как власть Антихриста. Интересна здесь вновь возникающая параллель с расколом XVII столетия, когда фигура царя ассоциировалась с Антихристом. В подобного рода воззрениях светские власти как в XVII, так и XX столетиях не могли не

видеть для себя потенциальной угрозы распространения антивластной клерикальной идеологии.

Знакомясь с показаниями арестованных по делу № П 23181, мы узнаем, по всей видимости, имена черничек, упомянутых в отчете «архиепископа» Григория Орлова. Так, на допросе 2 декабря 1936 г. арестованный по делу Трофим Артемьевич Гончаров показал: «Мне известно, что подпольную церковь в виде пещеры в поле Караяшниковского с/совета организовала моя родная сестра Гончарова Мария, которая за контрреволюционную деятельность арестована и сейчас находится в ссылке в Казахстане. Еще до ареста сестра Гончарова Мария мне рассказывала о том, что она вместе с кулачкой Клименковой Варварой и другой женщиной по имени Галя, которые также находятся в ссылке, организовали эту церковь. Сестра Мария во сне видела пещеру, а потом вместе с Клименковой и Галей с лопатами пошли в поле и выкопали эту пещеру, в которой нашли крест и иконы, об этом мне рассказывала подруга сестры по имени Галя. Я же с ними участия в этом не принимал, а также как человек религиозный посещал эту подпольную церковь, куда собирались и молились тайно, чтобы не знала Власть» [8, л. 38].

На допросе 7 января 1937 г. Т. А. Гончаров добавил к показаниям социальную составляющую, по-видимому, необходимую следствию. В частности, он заметил, что «сестра Мария мне советовала в колхоз не вступать, потому что колхозы временно. Советовала больше молиться богу. Рассказывала и о подпольной церкви-пещере, которая является святым местом» [там же, л. 40].

Свидетель по делу Ф. Е. Ляшков выделил несколько этапов строительства пещеры: «Подпольная церковь в виде пещеры, как мне известно, существует с 1934 года. В начале 1935 года, после ареста руководителей по организации этой церкви, пещера с/советом была зарыта, а в текущем 1936 году вновь открыта и расширена» [там же, л. 100].

Несмотря на заверения Т. А. Гончарова, что он не имел отношения к созданию этой пещеры, по всей видимости, именно он в 1936 г. продолжил дело своей сестры, начатое в 1934 г. Так, допрошенный по делу свидетель Т. Г. Игнатенко показал: «Летом т/года я неоднократно видел, как единоличники Деркачев Павел Иванович, Гончаров Трофим Артемьевич, Гончаров Архип Максимович вечерами уходили из хутора по направлению пещеры. По моему мнению, они ходили рыть эти пещеры. А также я неоднократно видел рано утром вышеперечисленные лица также с лопатами возвращались в хутор. Кроме этого, я неоднократно видел личности вышеназванных единоличников в белой глине. Из этого видно, что они: Деркачев Павел, Гончаров Трофим, Гончаров Архип – ходили рыть по ночам пещеры.

Среди населения х. Рыбный распространены слухи, что пещеры – святое место, открыто богом, и кто будет ходить в пещеру молиться богу, тому простятся все грехи. Также есть слухи, что для достойных верующих в пещеру открываются двери, когда для неверующих не открываются и не заметны» [там же, л. 94–95].

Мы можем также предположить, что именно Т. А. Гончаров был лидером и руководителем данной религиозной общины. Свидетель Попов показал на следствии: «В первое время руководителем молений и собраний верующих в пещере являлся гражданин Евдаковского района. После ареста этого гражданина руководство запиской он передал Гончарову Трофиму Артемьевичу» [там же, л. 112]. Другой свидетель В. А. Спиваков подчеркнул интересную деталь: «Я <...> видел, что на голове у Гончарова была старинная шапка наподобие кубанки, с крестом на верхушке» [там же, л. 108]. Данная деталь одежды может свидетельствовать, на наш взгляд, о том, что Т. А. Гончаров позиционировал себя как клирик кагакомбной общины, сложившейся вокруг Караяшниковской пещеры.

Деятельность этой общины постепенно приобретала все большую известность среди окрестного населения, что не могло не тревожить власти, наблюдающие за тем, как расширялся ее социальный состав. Тот же В. А. Спиваков показал на следствии: «Я осмотрел пещеру летом т/года. <...>. Внутри вся пещера украшена крестами и напоминала подземную церковь. В праздничные и предпраздничные дни в пещеру приходит много народа. В ней бывают не только взрослые мужчины и женщины, но и молодежь. Ходят с сел и деревень других районов, в частности, Евдаковского и Подгоренского, что я сам лично видел, когда работал в тракторном отряде недалеко от пещеры» [там же, л. 104].

О том, как отмечали один из праздников в пещере, мы уже знаем из описания обновленческого священника Путилина. Не менее информативно описание встречи Пасхи, сделанное на следствии М. Д. Рохминым во время его допроса 20 ноября 1936 г.: «В этот день в пещере кроме меня было приблизительно человек 30–40, большинство женщин для меня незнакомых. Из знакомых я видел в этот день в пещере единоличников х. Рыбного Гончарова Трофима Артемьевича, Гончарова Архипа Максимовича и Деркачева Павла Ивановича. В пещере происходило чтение религиозных книг, евангелия и других. Чтение производила женщина, для меня незнакомая. <...> Пение было и стихов, зачитанных мне, начинающихся словами: “Прошел мой век, как день вчерашний”, “Сей лист от самого бога”, “Христос пред смертью друзей поучал”» и других.

Эту пещеру посещало много народа по дням религиозных праздников. В эти дни в пещере произво-

дилось моление, а также среди присутствующих идут разговоры, что эта пещера святое место, открытое богом и кто будет молиться в ней, тому простятся все грехи» [там же, л. 71].

Анализируя мотивы поведения пещерников, мы можем выделить несколько пластов содержания. Во-первых – это простая жизненная необходимость выполнять верующими потребности религиозного культа в условиях гонений со стороны власти. М. Д. Рохмин показал на допросе: «Собирались в пещеру тайно, чтобы не знала советская власть, которая запрещает и преследует религию, поэтому мы и собирались тайно от власти, боясь, что нас могут заметить и арестовать» [там же, л. 77]. В существующих условиях верующим на тот момент времени безопаснее было собираться за пределами населенного пункта, в укрытии от посторонних глаз. Строительство пещеры в условиях конфликтной ситуации выглядело вполне оправданным.

Данная мотивация усиливалась текстуальным эсхатологическим контекстом. Как уже отмечалось, в обнаруженном при обыске по делу о пещерничестве у слободы Караяшник «Видение Спасителя детям в 1913 году...» говорилось о пришествии Антихриста и гонениях на верующих. Его прочтение способствовало восприятию событий 20–30-х гг. XX в. в русле последних времен. Не будем забывать также и о распространяемых в округе федоровцами идеях о Конце Света и Втором Пришествии. Также надо заметить, что данные представления локальных социальных сообществ возникли на общем фоне святоотеческой книжной традиции, в которой в качестве убежища от власти Антихриста рассматривались пещеры. Например, в «Слове на пришествие Господне, на скончание мира и на пришествие Антихристово» преподобного Ефрема Сирина читаем: «Многие из святых, какие только найдутся тогда, <...> чтобы избавиться им от змия, <...> побегут в пустыни, и со страхом будут укрываться в горах и пещерах, и посыпят землю и пепел на главы свои, в великом смирении, молясь день и ночь».

Второй аспект мотивации создания пещеры у слободы Караяшник находится, на наш взгляд, в традиционной плоскости строительства культовых подземелий Придонья, где в рамках народной православной традиции было создано более полусотни пещер [12, с. 141]. Красной нитью в свидетельских показаниях звучал хорошо известный в Воронежском крае, при создании других подземелий, мотив посещения культового объекта у слободы Караяшник: «Пещеры – святое место, открыто богом, и кто будет ходить в пещеру молиться богу, тому простятся все грехи» [8, л. 94].

Показателен при этом выбор места создания подземелья – традиционный для крестьянской общины

сакральный локус вокруг почитаемого источника. В период массового закрытия храмов почитание родников и пещер только усиливалось, свидетельством чему является «Информационная записка Совета по делам Русской православной церкви при Совете министров СССР <...> о религиозных пережитках» [13, с. 290–296]. На наш взгляд, это объяснимо не только с точки зрения преследования верующих со стороны советской власти, но и с позиции отсутствия на тот момент времени традиционного противостояния между официальными церковными институтами и народными религиозными культурами. В том же XIX в. отмечались в Воронежской губернии неоднократные попытки церковной власти воспрепятствовать народному почитанию пещер и родников [14, с. 182; 15, с. 190–195].

Говоря о значимости почитания пещер и родников в 20–30-х гг. XX в., необходимо заметить, что оно помогало обрести личностный фундамент в смутное время социальных конфликтов, сопровождающих модернизацию, разрушающую традиционный крестьянский уклад. И где как не в пещере, вырубленной в глубинах родной земли, неподалеку от родника, можно было искать выход из жизненного кризиса. Не случайно среди организаторов пещеры у слободы Караяшник фигурируют единоличники – люди, не желающие вписываться в новые жизненные реалии. Рассказ арестованного по этому делу Т. А. Гончарова о сестре Марии, в котором она видела будущую пещеру, словно прорыв коллективного бессознательного в актуальную сферу решения личностной кризисной ситуации в русле традиционной крестьянской архаики.

Говоря о положении в государстве Патриаршей Церкви в 20–30-е гг. XX в., без преувеличения можно сказать, что ее легализации способствовал рост неконтролируемых народных культов христианской направленности, опирающихся на традиционную архаику, подобных вышеописанным. В «Докладной записке Комиссии по делам религиозных культов ЦИК СССР, направленной в ЦИК СССР и ЦК ВКП(б), о состоянии религиозных организаций в Воронежской области» от 1 сентября 1936 г. отмечалось, что при закрытии храмов «религиозность населения административно загоняется в подполье. Она выливается в тайные формы, ищет выхода и находит его сначала в некотором изменении религиозных обрядов и их приспособлении к существующей обстановке, а впоследствии – в формы организации нелегальных групп, которые широко используются контрреволюционным элементом для создания контрреволюционных групп фашистского и террористического порядка» [13, с. 262]. В качестве подтверждения данного тезиса в записке, составленной председателем Комиссии культов П. Красиковым, приводился пример

Ольховатского района Воронежской области, где «до революции было всего 12 церквей», а на момент 1936 г. ни одна не функционировала. Это и привело, по мнению П. Красикова, к росту контрреволюционной активности, примером которой, по его словам, являлась деятельность группы, сложившейся вокруг пещеры у слободы Караяшник. Таким образом, о деятельности этой нелегальной религиозной общины стало известно в ЦК, что стало дополнительной каплей в информационном потоке сообщений с мест аналогичных организаций. Власти вынуждены были реагировать на эти сообщения, идя по пути легализации приходов Патриаршей Церкви, чтобы снять запруды на пути энергии религиозности, которая стала выплескиваться в политическую плоскость.

Рассмотрев развитие пещерничества у слободы Караяшник Ольховатского района Воронежской области, мы видим его возникновение и развитие в контексте религиозных и социальных трансформаций 20–30-х гг. XX в. Устроители пещеры крестьяне-единоличники искали для себя выход из кризисной ситуации в попытке воссоздания модели традиционной крестьянской общинной религиозности в архаичном сакральном локусе жизненного пространства. Данному фактору способствовало наличие в Воронежском крае давней традиции пещерокопательства [16], детерминированной особенностями физического [17, с. 29–33] и социокультурного ландшафта.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Сергий (С. Петров)*. История Воронежской епархии от ее учреждения до 1960-х гг. / архиеп. Херсонский и Одесский Сергий. – Воронеж : Центр духовного возрождения Черноземного края, 2011. – 644 с.
2. *Шкаровский М. В.* Истинно-православные в Воронежской епархии / М. В. Шкаровский // Минувшее. Исторический альманах. Вып. 19. – М. ; СПб. : Atheneum-Феникс, 1996. – С. 320–356.
3. *Мазырин А.* «Духовный собор» епископов и вопрос о тайных выборах патриарха в 1926 г. / Свящ. Александр Мазырин // Вестник ПСТГУ II : история. История русской православной церкви. – 2012. – Вып. 2 (45). – С. 20–43.
4. *Сапелкин Н. С.* Свете тихий. Краеведческие этюды / Н. С. Сапелкин. – Воронеж : Алмаз, 2006. – 218 с.
5. *Степкин В. В.* Пещерные памятники Среднедонского региона / В. В. Степкин // Культурные пещеры Среднего Дона. Серия «Спелестологические исследования». – М. : РОСИ, 2004. – Вып. 4. – С. 41–137.
6. *Степкин В. В.* Пещера у с. Новохарьковка на Среднем Дону / В. В. Степкин // Археологические памятники Восточной Европы : межвуз. сб. науч. трудов. – Воронеж : ВГПУ, 2006. – Вып. 12. – С. 204–209.
7. *Степкин В. В.* Легенды донских пещер. Фольклор. Этнография. История / В. В. Степкин. – Воронеж : Науч. кн., 2012. – 171 с.

8. ГАОПИВО. – Ф. 9353. – Оп. 2. – Д. П -23181.
9. ГАВО. – Ф. Р-2,565. – Оп. 1. – Д. 11.
10. Сапелкин Н. С. Жребий истины. Церковные расколы XX века / Н. С. Сапелкин. – Воронеж : Центр.-Чернозем. книж. изд-во, 2012. – 236 с.
11. Веселовский Г. М. Город Острогожск (Воронежской губернии) и его уезд. Историко-статистический и этнографический очерк с планом города и географической картой уезда / Г. М. Веселовский. – Воронеж : в типографии Губернского Правления, 1867. – 224 с.
12. Степкин В. В. Пещеростроительство как вид христианского подвижничества в лесостепном Придону / В. В. Степкин // Вестник церковной истории. – М. : Православная энцикл., 2008. – № 3 (11). – С. 141–150.
13. Беглов А. В поисках «безгрешных катакомб». Церковное подполье в СССР / А. Беглов. – М. : Издат. Совет Русской православной церкви : Арфа, 2008. – 352 с.
14. Степкин В. В. Социально-психологические аспекты пещеростроительства в Донском регионе / В. В. Степкин // Культурные пещеры Среднего Дона. Серия «Спелестологические исследования». – М. : РОСИ, 2004. – Вып. 4. – С. 178–185.
15. Степкин В. В. Ливенские родники – объекты природного и культурного наследия Воронежской области / В. В. Степкин // Природное и культурное наследие : междисциплинарные исследования, сохранение и развитие : материалы III Междунар. науч.-практ. конф. (Санкт-Петербург, РГПУ им. А. И. Герцена, 29–31 октября 2014 г.) / под ред. В. П. Соломина [и др.] – СПб. : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2014. – С. 190–195.
16. Никольский П. В. Монашество на Дону в XIX в. Очерк 1. Пещерокопательство в XIX в. / П. В. Никольский // Воронежская старина. – Воронеж : Изд. Воронеж. Церковного историко-археол. комитета, 1910. – Вып. 9. – С. 150–181.
17. Степкин В. В. Географические особенности распространения пещерных памятников на Дону и Осколе / В. В. Степкин // Культурные пещеры Среднего Дона. Серия «Спелестологические исследования». – М. : РОСИ, 2004. – Вып. 4. – С. 29–33.

Русское географическое общество

Степкин В. В., кандидат исторических наук
E-mail: archeolog@mail.ru
Tel.: 8-905-049-03-74

Russian Geographic Society

Styopkin V. V., Candidate of Historical Sciences
E-mail: archeolog@mail.ru
Tel.: 8-905-049-03-74